

И что, Георгий Михайлович, вам ответил мэтр? Удалось ли ему защитить вас?

– Он просто посмеялся над тупостью людей, назвавших мою новеллу анти-советской и чуть не сославших меня на Север. Но, правда, и упрекнул меня за «злоупотребление юмором и гипер-болой».

– Наверное, вас в том же упрекнули и читатели, прочитавшие первыми вашу повесть «Иду к людям». Главный герой, учитель истории Нестор Северов, действительно порой совершает поступки, выходящие за рамки здравого смысла. Чего стоит одно его купание в Москве-реке!

– Не поверите, но Нестора я наделил чертами, свойственными живым людям. Кое в чем он повторял самого меня (правда, я был более флегматичным в молодости), в чем-то – других встреченных мною по жизни. В том-то и дело, что я ничего не придумывал. Кирпичик от одного реального человека, кирпичик от другого – так и сложилось здание повести. А Ганжа, например, просто списан с живого персонажа. В моем классе краснодарской вечерней школы был точно такой же ученик, и я даже искал гипнотизера, чтобы тот ему внушил интерес к знаниям.

– Расскажите об истории этой повести. И почему ее киновариант стал называться «Большой переменной»?

– В вечерней школе я работал всего год сразу после окончания пединститута. И этот совсем небольшой отрезок своей жизни вспоминаю с большой теплотой. В отличие от Нестора Петровича, который собирался продолжить педагогическую карьеру, я свое будущее связывал все-таки с литературой. Повесть увидела свет в конце 50-х, а лет через десять на Мосфильме решили ее экранизировать, но поставили условие: моим соавтором будет режиссер Алексей Коренев.

– Чем вы сами объясняете сегодняшний успех у фильма, которому уже за 30? Ведь вечерних школ как будто уже нет...

– Вы знаете, поначалу я очень стеснялся этого фильма, хотя с его премьерой меня поздравляли и Аксенов (кстати, мой одноклассник по казанской средней школе), и Окуджава, и Гладылин, и Максимов. Правда, тот ворчал: «Я считал тебя писателем серьезным...» Но потом рассудил: зритель его оценил потому, что главное в нем – добрые отношения между людьми. Эта атмосфера доброты плюс великолепная работа артистов и помогли фильму стать популярным. Кстати, с назначением на ту или иную роль конкретных актеров мне все время приходилось под них что-нибудь добавлять. Во-первых, режиссер, видимо, ставил между мной и Нестором Петровичем знак равенства, тем более что тот в исполнении Михаила Кононова меня даже внешне напоминал, естественно, в моей молодости. Первоначально на эту роль планировался Андрей Мягков, но что-то у них с режиссером не заладилось.

Меня действительно критиковали за то, что Северов слишком эксцентричен. Кстати, после начала съемок многое мне пришлось переделывать. Например, героиня Светланы Крючковой замысливалась третьестепенной. А когда увидели, как у них увлекательно складываются отношения с папой (Евгений Леонов), пришлось добавлять текста в ее роль. Каких-то персонажей, наоборот, приходилось несколько ужимать. Скажем, Гену Ляпишева (Виктор Проскурин), который постоянно убегал с уроков на танцы. Больше была поначалу роль и у артистки Иры Азер, исполнявшей роль его подруги Люськи. Не передать, что на съемочной площадке творил Ролан Быков – фонтан его фантазии был неукротим! Что почему-то очень раздражало начальство фильма, оно даже называло его находки «быковщиной». Часть эпизодов, к сожалению, именно поэтому не вошла в картину, о чем я очень сожалею.

После выхода фильма на телеэкран я стал с удивлением замечать, что мой, по сути, водевиль вдруг цитируют серьезные люди. Так, олигарх Потанин на встрече со студентами МГУ заявил, что Ганжа – один из самых любимых им персонажей. Встречал я в одном из изданий экономического толка заголовок «Сеанс невиданной щедрости» – переименованные слова Ганжи, когда он, издеваясь над Тимохиным (Савелий Крамаров), заывает публику: «Сеанс невиданной жадности!» Или: «Хо-

Нелегко складывалось начало творческой биографии у писателя, получившего широкую известность благодаря телесериалу «Большая перемена». В далеком 1955 году студента Георгия Садовникова за новеллу «Бывает и так», опубликованную в журнале «Юность», едва не исключили из родного Краснодарского пединститута. Обиженный молодой литератор в ответ на обвинения в подражании опальному в те времена Зощенко, а значит, в антисоветчине, написал письмо своему кумиру – Михаилу Шолохову.

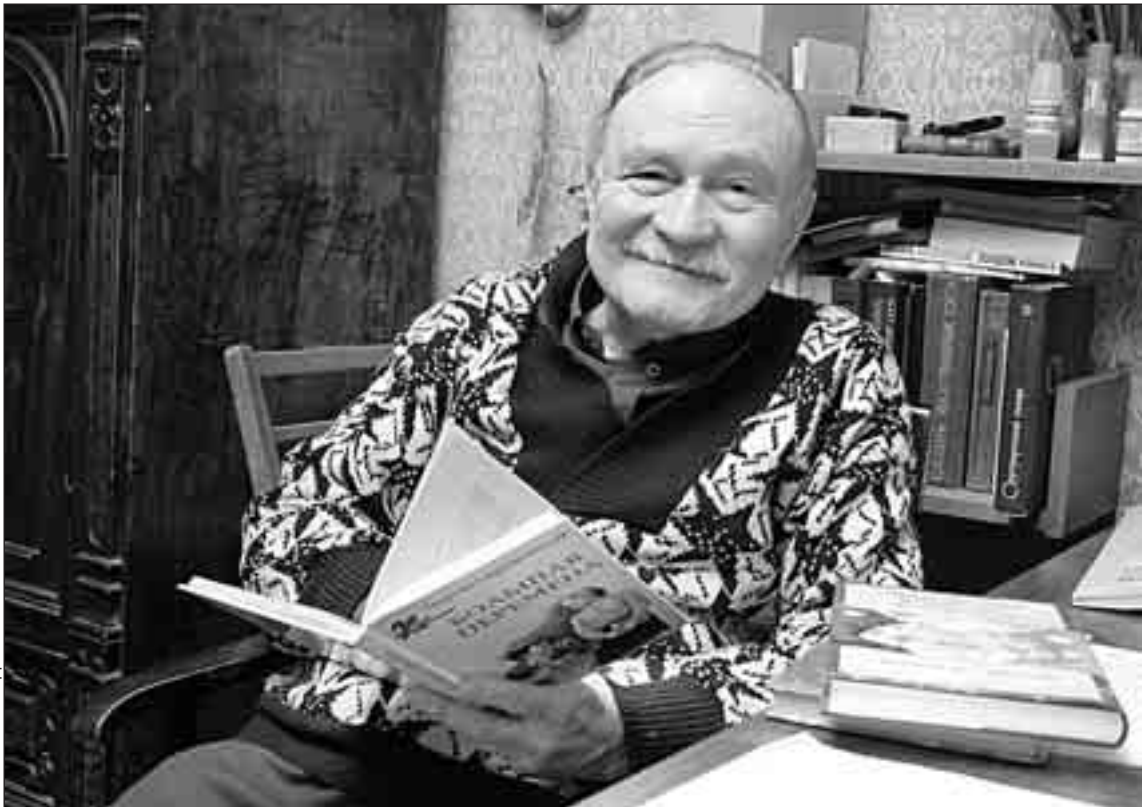

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

Георгий САДОВНИКОВ: В ЖИЗНИ НЕ ТАК МНОГО ПОДЛЕЦОВ, КАК НАМ МАЛЮЮТ

дишь, ходишь, потом... бац!» – цитата из фильма, часто встречаемая в разговорах. Если верить Елене Боннэр, полюбили Андрею Сахарову слова: «И завтра снова в бой...» Они принадлежат учительнице химии (ее играет Валентина Талызина): «Идите, идите, Ганжа, и завтра – снова в бой».

– А как власти этот фильм оценили? – Никак. Зато я получал в первые дни после его выхода на телеэкран мешки писем. Чаще писали школьники: «Если бы у нас был такой учитель, как Нестор Петрович, то и мы бы хорошо учились». Кстати, хочу поделиться своей радостью. Недавно, проходя мимо остановки, увидел объявление – «Набор в вечернюю школу». Такие учебные заведения в принципе нужны, просто не хотят на них тратить.

– А зачем, если аттестат и даже диплом сегодня запросто можно купить в метро?

– Подозреваю, что по такому диплому серьезного успеха в жизни не добьешься.

– Скажите, у вас как писателя, воспевшего необходимость получения начального образования, и просто как бывшего учителя, нет страха за судьбу нашего будущего поколения?

– Временами у меня появляются опасения. Однако общение с юными гражданами страны (последнее время я стал преподавать в одном лицее) все же наталкивает на мысль, что они просто другие – не такие, как мы. А давайте вспомним свою молодость: и за длинные волосы нас критиковали, и брюки не той ширины мы носили, и танцевали не так. Уж не говоря о том, что именно тогда парни (какой ужас!) стали ходить с девушками не под ручку, а положив им руку на плечо. Скажу честно, меня в нынешней молодежи привлекает то, чему я особенно завидую: свободное сознание – нет в голове того цемента, который нам вдалбливали долгие годы. У них свободное

мировосприятие. Да и в процентном отношении все же сегодня хорошие ребята больше. Как историк, могу вспомнить, что и в античные времена старики так же ворчали на молодежь – природа их критических стрел, смысл – те же, что и нынче. Хотя у раскрепощенности сегодняшнего поколения молодых, согласен, есть и минусы. Один из них в том, что в неокрепших умах созрело мнение: хороший человек не столь заметен в обществе, как плохой. Потому в наших телесериалах порой главными героями становятся люди, мягко говоря, с подмоченной моральной репутацией. И все же, оглядываясь, люблю цитировать не мной придуманную древнюю истину: «Если бы плохих людей было больше, мы бы перебили друг друга еще в пещерах».

– Вас не удивляет, что раньше молодежь стремилась овладеть такими престижными профессиями, как авиатор, космонавт, врач и т.д., а нынче...

– Раньше не было прагматичных профессий. В торговле было зазорно работать, нынче же ее подняли на недосягаемую высоту, сегодня уже торговля – двигатель прогресса. Конечно, есть перемены. Раньше было стыдно говорить «я хочу заработать». А сейчас... Кем были космонавты для нас? Полубогами! Сегодня же люди даже не знают их имен.

– Принято считать, что литература воспитывает человека...

– Вы знаете, в писательской среде существует мнение – и я двояко к этому отношусь, – что литература этого не делает. Ожидать, что, прочитав Льва Толстого или Достоевского, кто-то непременно переменится в лучшую сторону, вряд ли стоит. Но литература, конечно, сильно влияет на умы. Я сужу по себе: всегда любил положительных героев и больше всего в них – благородство, честность. Некоторые, например, упрекают меня за то, что в той же «Большой перемене» у меня слишком

много положительных героев. Не как в жизни. А это от того, что мне повезло – меня по жизни сопровождали хорошие люди. Началось это в 1943 году, когда умерла мать, а где отец, я даже не знал. И меня не отдали в детдом, а начали передавать из семьи в семью. Потом – суворовское училище, где одним из моих любимых учителей был отличный командир-наставник, которому я обязан и сегодня очень много. Потом из-за болезни я не смог завершить учебу в Одесском пехотном училище, зато пошел в институт, где товарищи, зная о моем бедственном положении, помогли кто чем мог. Кто-то из великих точно заметил: «Очень легко любить человечество в целом, но очень трудно полюбить отдельного человека».

Все-таки воспитывают семья (во-первых) и школа, когда там хорошие педагоги. Сейчас идет дискуссия о реформе школы, о методиках. Я, основываясь на своем учительском опыте, глубоко убежден, что все это вторично. Если учитель талантлив, любит своих учеников и это действительно дело его жизни, он приспособится к любой методике и даже изобретет свою собственную. Помню учителя истории в суворовском училище фронтовика-майора Надеина. Он преподавал так, что заставил даже насторожиться начальство – в его журнале были одни пятерки. Решили, что он лакирует действительность, к нему на экзамен пришла целая комиссия. И что вы думаете? Из 27 ребят на глазах у комиссии 26 получили пятерки, четверку он поставил самому из нас безнадержному. Мы все благодаря Надеину просто влюбились в его предмет. Я тоже, как и Надеин, как и мой герой Нестор Петрович, работал учителем истории. И, похоже, в этом смысле все же состоялся. Однажды, через много лет, встретил одного из своих учеников, который признался мне:

«Георгий Михайлович, к нам в класс в свое время обратились из одной организации, просили подтвердить, что вы вели антисоветскую пропаганду. Так вот, – с гордостью подчеркнул он, – у нас не нашлось ни одного подлеца!» И я тогда понял, что учил их таки правильно.

Надеин, кстати, очень помог мне в создании образа Нестора Петровича. Одну характерную его особенность как раз и «эксплуатирует» Северов: красочно иллюстрирует урок. Скажем, рассказывал нам Надеин об афинском полководце Алкивиаде. О том, как тот сначала организовал экспедицию против Сиракуз, потом перешел на сторону Спарты, предложив план ведения войны против Афин, затем переметнулся к персам. В общем, судят его за все грехи в Афинах, и в качестве главной свидетельницы выступает его жена. И вдруг он ей говорит (не помню имени – ну, например, Маруся): «Маруся, да ну их!» Поднимает ее, обалдевшую, на руки и несет по площади сквозь толпу. И люди невольно перед ним расступаются – какой тут может быть суд? Надеин, рассказывая этот эпизод, так здорово его изображал, что мы, малолетки, слушали затаив дыхание.

Реформа образования, методика – все это вторично. Главное – учитель. Если нет в программе того, что, по моему мнению, должно быть, он все равно ее дополнит. Пока общество не поймет, что от учителя и еще врача многое зависит, позитивных перемен ждать в нашей жизни глупо. Недаром ведь история хранит в памяти поколений имена учителей – Сократа, Аристотеля, который, кстати, воспитал самого Александра Македонского. Плохо, что сегодня эта профессия считается непристойной. Это ведь не сфера обслуживания. Я бы, наоборот, принимал в пединститут по страшному конкурсу. И пенсию бы педагогам платил самую большую! И отбирал бы ребят не по результатам экзаменов, а (наподобие творческих вузов) проводил бы собеседования, чтобы убедиться: человек создан для такой важной работы и уж по крайней мере любит детей, а не испытывает к ним неприязнь. Тогда и пойдет в школы молодежь.

– Георгий Михайлович, вы не считаете, что сегодня книги, кино, телевидение во многом разрушают добро, заложенное в каждом из нас природой? Тем более в детях с их еще несформированнейшей психикой. Кстати, у телевизионщиков есть свой аргумент: не нравится – выключай экран...

– Ну, это по определению неправильно: запретный плод, как известно, еще более привлекателен. Все дело в том, что демонстрируемое на экране, как и печатаемое в тех книгах, которые я называю литературным шоу-бизнесом, – лишь отражение того, что наши дети видят в жизни: мат на улице стоит смогом, пьянство, насилие... До сих пор, между прочим, первая игрушка наших мальчишек – автомат, пистолет.

– Раньше это считалось безобидным, но сегодня, похоже, приобрело зловещий характер.

– Вся надежда на то, что дети не глупее нас – они все-таки соображают, что фильм – это условность и все пифпафы – баловство. Мы тоже прошли эти университеты. Кто из нас не зачитывался «Тремя мушкетерами»? Но ведь главным в их бесконечных баталиях было не убийство, а защита чести и достоинства, благородство, борьба за справедливость.

Кстати, уж если многое мы черпаем на Западе, то в тех же американских вестернах главным героем всегда благороден, он защитник убогих и сирых. Скажем, Бетмэн или мультигерой Микки-Маус – герои, наделенные человеческими способностями. Заставляют задуматься и персонажи «Крестного отца» или «Однажды в Америке», где показана психологическая несовместимость человеческой сущности и преступления. У нас же – обязательное кинопишество жестокости. Запретить? Можно, конечно, запретить показ чернухи по телевидению, но исчезнет ли она на улицах наших городов – вот в чем вопрос. Так что показ одних только «больших перемен» ничего не изменит. Все это будет выглядеть снятием с себя ответственности и поисками ложного пути. Надо кардинально менять жизнь. И тогда у литератора, который приносит сценарий или новый детектив, не будут спрашивать: «Сколько у вас трупов? Всего семь? Мало, идите, дорабатывайте...»

Анатолий ЖУРИН